

ФАУСТ. ЕГО ТРАГЕДИЯ

На сцене
и эстрадах

На сцене наивно романтические, почти банальные атрибуты: свеча, лира, гусиное перо, роза в бокале. И мощное пластическое звучание поблескивающих труб органа. Собственно говоря, это уже ключ к решению спектакля. Спектакля откровенно контрастного. Уже при первом этапе работы — сокращении «Фауста», точнее, даже выборе сцен, вошедших в спектакль, оставлены были те монологи и диалоги, которые и несли мысль пьесы и позволяли А. Солоницыну строить чтение на прямых противопоставлениях. Он раскрывает эти контрасты убедительно — глубоко, эмоционально точно.

Отчаянно, через границы своего времени, через законы познания рвется к истине Фауст, готовый погибнуть ради нее, а рядом с ним обызвательно благодушествует Вагнер. Умудрена, сложна, мятежна душа Фауста, и еще смиренней рядом с ней кротость Маргариты. И правомерно выявлен, подчеркнут основной контраст — борьба в душе Фауста, «две его души». Вера его в возможность найти истину, понять смысл человеческого бытия и безверие его, отчаяние, оборачивающиеся горьким скептицизмом Мефистофеля.

Острый интерес современного человека к Фаусту, уважение к мятежному полету его духа очень зримо ведет Солоницына через сложные ритмы трагедии Гете. Собственно говоря, для Солоницына основное всегда Фауст, а характеры других ему служат скорее чтобы оттенить его «предчувствие свободы духа», трагическое в средневековом человеке.

Противоречия эти, на которых так настаивает актер, определены точно, выразительны пластически. Но они чуть «спрямлены», лишены каких-то возможных нюансов. Хотя, может быть, это просто вопрос дальнейшей работы над спектаклем.

Серьезнее, другая претензия. Едва ли правомерно столь категорическое противопоставление первой и второй частей спектакля, подчеркнутое антрактом: Фауст — философ и Фауст — пылкий любовник. Причины гибели Маргариты могли бы и не быть раскрыты полно и обстоятельно, если бы они были важны только для ее характеристики. Но через них у Гете раскрывается очень многое. И основная из этих причин та, что Фауст представил крохотной, чистой не столько из нравственных принци-

пов, сколько из нравственного невежества, мягкой, как воск, душе Маргариты сражаться одной со сваливающимися на нее несчастьями. У Гете это вполне логично для характера Фауста. Он полюбил, но по — прежде всего, главное для него — трудные пути внутренних исканий. Это почти потеряно в нашем спектакле. И выплыла на поверхность банальнейшая мысль о «неверности мужчин». И голословно прозвучали упреки Фауста Мефистофелю — своей второй душе, уведшей его от непрочного счастья.

Это не просто просчет при сокращении. Так оно и решается актером: углубленная, сложная первая часть и гораздо более открытая эмоциональная (почти без раздумий) — вторая. В таком повороте крушение еще одной надежды Фауста на счастье оказывается случайным и отсюда менее значительным для общей трактовки спектакля.

Создать моноспектакль по «Фаусту» Гете — пожалуй, одна из самых трудных задач, которую может поставить перед собой актер. Он сделал главное: пристально разглядел и уважительно раскрыл основное в Фаусте — его творческую суть, его смелость и бескомпромиссность. А это решает дело.

Попасть на спектакль в зал консерватории было трудно. Уже в сквере стояли жаждущие «лишних билетов». Очевидно, в повторении спектакля заинтересованы все: и филармония, и актер, которому следующие спектакли помогут стать органичнее, свободнее, и прежде всего зрители.

Н. ВЕЛИЖАНИНА.

Вечерний Новосибирск
15 МАЯ 1969
Новосибирск